

Ильича каждый день, и настроение его было очень подавленное. Закутавшись в шубу, он часами просиживал на террасе, грустный и молчаливый. Он ясно видел, что болезнь его прогрессирует, понимал, что скоро ему снова придется оставить работу. Так оно и случилось. 12 декабря по возвращении из Горок Владимир Ильич был в последний раз за работой в своем кабинете».

Сталина с врачами, сообщить ему текст резолюции с добавлением, что как резолюция, так и состав комиссии приняты единогласно.

Отчет г. Ярославского (имеется в виду запись его выступления на Пленуме, сделанная для Ленина по его поручению) ни в коем случае сейчас не передавать и сохранить с тем, чтобы передать тогда, когда это разрешат врачи по соглашению с т. Сталиным.

нут), но Владимир Ильич диктует, когда в состоянии делать это, дольше. Бывали дни, когда Владимир Ильич диктовал более получаса, даже час, кроме чтения (он просматривал в это время и ряд книг, которые интересовали его и нужны были для его статей).

Владимир Ильич явно торопился, боясь, что не успеет сделать все, что задумал».

ЗАГАДКИ

Хотя М.И. Ульянова и считала, что конфликт между Сталиным и Крупской не имел отношения к политике, факты говорят об обратном. Ведь именно после рассказа о нем Крупской Владимиру Ильичу он пишет 23—26 декабря знаменитое «Письмо к съезду».

Во второй части письма Ленин дает характеристики виднейшим руководителям партии. Они широко известны, но напомнить в данном случае не лишне.

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшие Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся административством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.»

Третья часть, вернее, приписка, целиком посвящена Сталину.

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.»

Какие слова Крупской о Сталине предшествовали этой приписке, никто никогда уже не узнает. Но влияние вышеописанного инцидента тут налицо. Ленин не ставит под сомнение политические и деловые качества Сталина. Единственный недостаток, на который он указывает, — грубость. Однако это не новость. Он знает нового генсека давно. В чем же дело? Обратите внимание на слова: «и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами...» Да, тогда в спорах в выражениях не стеснялись, и Владимир Ильич тоже.

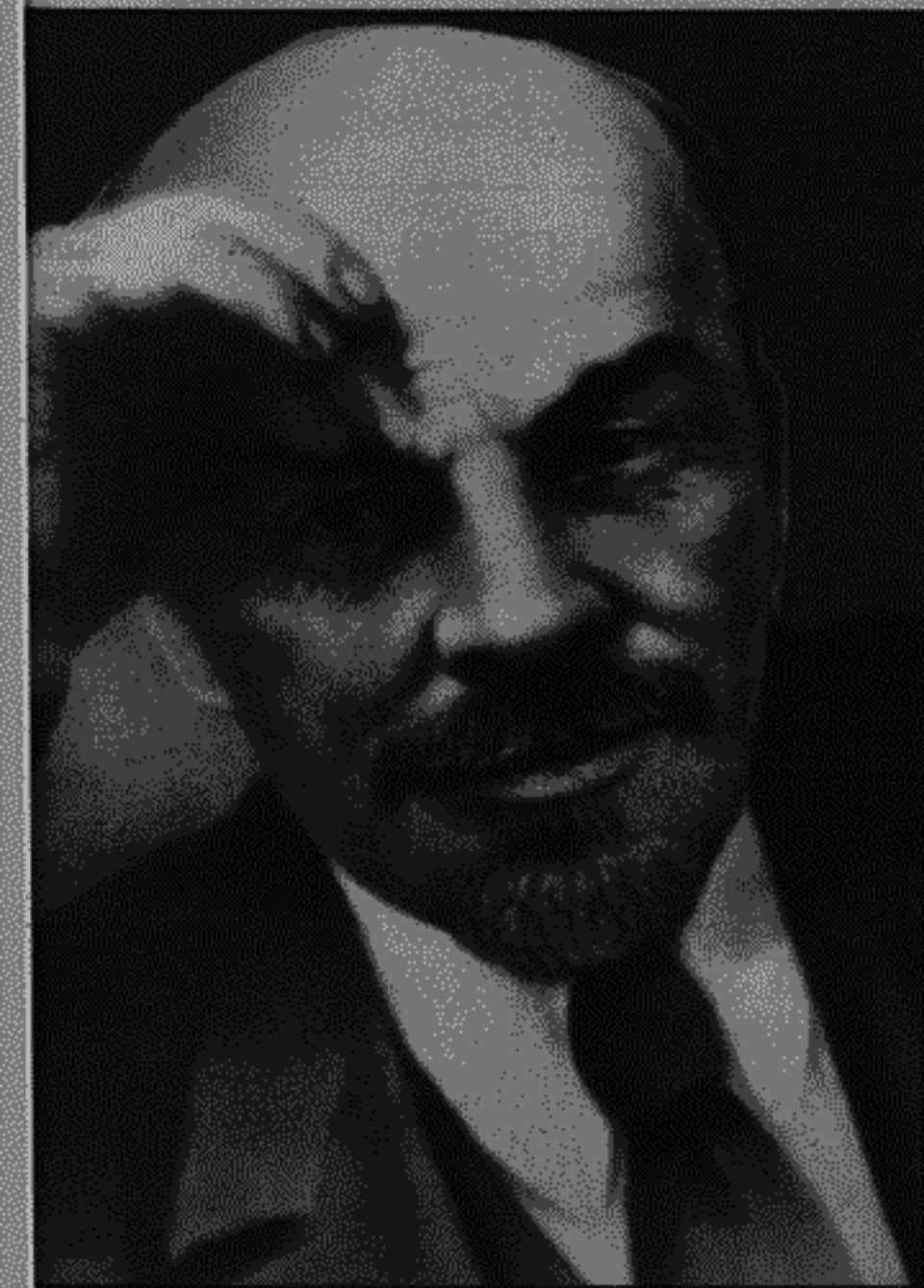
Теперь о загадках. «Письмо к съезду», согласно воле Ленина, «переписывались в пяти экземплярах, Черновики сжигались. Из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра — Надежде Константиновне и один — в свой секретариат (строгое секретно). На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В.И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна». (Свидетельство секретаря Владимира Ильича М.А. Володочевой).

Из этого следует, что при своей жизни Ленин никаких «перемещений» Сталина не предполагал. Заменить-то его было нечем: «Письмо к съезду» говорит о том со своей очевидностью.

Но врагам Сталина не терпелось сместить его как можно скорее. Письмо Ленина они сочли мощным подспорьем в этом и начали им оперировать. Как оно стало достоянием гласности? Из записки Каменева Сталину от 29 декабря 1922 года следует, что, кроме них двоих, письмо известно по крайней мере еще Троцкому, Бухарину и Орджоникидзе. Кто мог передать им текст? Ответ на загадку напрашивается простой: никто, кроме Крупской. В дальнейшем письмом было опубликовано в зарубежной прессе — сначала в Германии, в «Социалистическом вестнике», потом в «Нью-Йорк таймс». И на эту загадку ответ довольно очевиден. Его передал скорее всего Троцкий, теснейшим образом связанный с западными спецслужбами и нью-йоркским международным сионистским центром.

ПОССОРИТЬ ЛЕНИНА СО СТАЛИНЫМ

ЗАГАДКИ

На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки».

22 декабря Сталин получил записку от Каменева: «Сегодня ночью звонил мне Троцкий. Сказал, что получил от Старика записку, в которой Старик, выражая удовольствие принятой Пленумом резолюцией о Внешторге, просит, однако, Троцкого сделать по этому вопросу доклад на фракции съезда и подготовить там почву для «постановки этого вопроса на партсъезде...»

Записка Троцкому была написана под диктовку Ленина Крупской.

Естественно, Сталин возмутился: ведь Крупская передала ее спустя 4 дня после того, как Пленум ЦК возложил на него «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича». Пленум! Не группа товарищей, не Политбюро, а Пленум. Неужели этого не знают исторические баснописцы, обвиняющие лично Сталина в изоляции Ленина в 1922 — 23-х годах?

В ответ на грубейшее нарушение Крупской партийного решения, Сталин высказал ей по телефону заслуженный выговор. Строгий, но вовсе не грубый и уж никак не матерный, в чем много лет обвиняют Сталина его хулители. М.И. Ульянова излагает случай так: «Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, видимо, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то он ее в ЦКК потянет». Крупская в ответ сказала, что она лучше пленума знает, что Владимиру Ильичу полезно, а что вредно. В какой форме она это высказала, можно только догадываться, ибо разговор, по словам М.И. Ульяновой, ее «взволновал чрезвычайно». «Она была совершенно не похожа на себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В.И. через несколько дней, прибавив, что они со Сталиным уже помирились. Сталин, действительно, звонил ей перед этим...»

В другом документе, письме в Президиум объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б), Мария Ильинична сообщала об этом инциденте, что «он носил чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел».

Далее еще одна выдержка из книги В.Е. Мельниченко.

«Когда в третьей декаде декабря 1922 года Ленин впервые вызвал Фотиеву для короткой диктовки, врачи запротестовали. В ответ Владимир Ильич выдвинул ультиматум: или ему будет разрешено диктовать ежедневно стенографистке, хотя бы в течение короткого времени, или он откажется лечиться.

После того, как Ильичу дали возможность продиктовать то, что он считал нужным, большой несколько успокоился. На другой день Ленин говорил врачам, что и спал он, благодаря этому, лучше.

Тогда на совещании 24 декабря с участием Сталина, Каменева и Бухарина, а также врачей Ферстера, Крамера, Кожевникова было принято следующее решение:

«1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Время для диктовки стенографистке было ограничено пятью-десятью минутами сначала один, а позже (с 29 декабря) два раза в день (по десять ми-

Мария Ильинична писала, что напряженная работа, которую вел Ленин в течение двух с половиной месяцев после возвращения из Горок в октябре 1922 года, преждевременно подкосила его здоровье. Но и Владимир Ильич работать не умел, все уговоры о сокращении рабочего времени практически не давали серьезных результатов. Однажды он открыто сказал сестре в ответ на просьбу меньше торопиться: «У меня ничего другого нет».

Доктор Ферстер, отлично понимавший психику Ленина, характеризовал ситуацию так: «Работа для него была жизнью, бездельность означала смерть». Ферстер отвергал мнение о том, что пребывание Ленина на работе с начала октября и до середины декабря 1922 года ускорило развитие болезни, и считал, что болезнь Ленина была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развилась по внутренним законам, независимо от влияния внешних факторов, с беспощадной законностью. Не знаю, как с медицинской точки зрения, но по-человечески можно понять Ферстера, который утверждал, что «если бы Ленина в октябре 22 года заставили и дальше оставаться в бездельном состоянии, его лишили бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни». Думаю, Ферстер был прав. Ильич часто жаловался Крупской по поводу врачебных запретов: «Ведь они не могут запретить мне думать».

Состояние здоровья Ленина — вождя и знаменитости — очень тревожило все ее руководство. Сосудники знали, что Владимира Ильича сильно волновало обсуждение на Пленуме ЦК РКП(б) вопроса о монополии внешней торговли. Мнения по этому поводу были разные. Однако же когда члены ЦК узнали, как остро воспринимает Ленин отличие от его собственной точки зрения, была единогласно принята резолюция, отражающая ленинскую точку зрения.

18 декабря Пленум принял также следующее решение:

«В случае запроса т. Ленина о решении Пленума по вопросу о внешней торговле, по соглашению